





#### ПРИЗРАКИ КАРА-ТЮРЕКА

еперь я знаю, как вызываются призраки. Выбирается подходящая скала. Обязательно подходящая, иначе ничего не выйдет. И чем древней, тем лучше. Набирается в обычный туристский котелок вода. И если этой водой полить подходящую скалу в подходящем месте, то...

Но, как говорит Петр Яковлевич Антонов из Катанды, — надо все по порядку. Я ссылаюсь на него, потому что он имел прямое касательство к описываемым дальше событиям. Петр Яковлевич стал краеведом не сразу. Он сооружал метеостанцию в снежных горах Кучерлинской долины, до войны работал на ней начальни-

рожилы же Тюнгура о ней просто ничего не знали. Оставалось одно: поехать самим и проверить. Тем более что один из маршрутов рериховской экспедиции проходил именно по этой, Кучерлинской, долине. Таким путем Рерих достиг полножия Белухи.

стиг подножия Белухи.

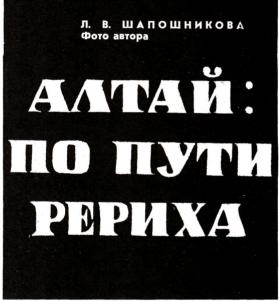
В Тюнгуре нам дали лошадей, и мы тронулись. Холмистая равнина, которая тянулась по берегу Катуни, постепенно меняла свой вид. Лесистые горы теперь вплотную приблизились к ней, и конная тропа потянулась вверх. К полудню тропа свернула в Кучерлинскую долину, и под нами, внизу, уже шумела не Катунь, а Кучерла. Тропа поднималась все выше и шла по краю каменной кручи, отвесно обрывавшейся в воды бурлящей реки. Временами

гах городах и сокровищах, легенды о Беловодье... «О снеговых вершинах Белухи свидетельствуют снега Гималаев», — писал Рерих. Одна из его лучших картин так и называется «Белуха». Белуха была завершающим и, пожалуй, наиболее трудным этапом маршрута Рериха...

Солнце стояло уже низко, когда тропа пошла под уклон, а отвесные скалы отступили от реки, освобождая ее и давая простор высокой траве и пестрым цветам речной долины. Утомленно жужжали шмели, пересвистывались птицы, готовясь ко сну. На земле есть места, которые называют заповедными. Кучерлинская долина, там, где мы расседлали своих коней, была таким местом.

Тут же стояла почерневшая от





Петроглифы для Рериха были одним из ярчайших следов, оставленных древними народами. Его картина «Меч Гесэра» посвящена этим рисункам.

ком. Там, в горах, и заприметил подходящую скалу. Скала называлась Кара-Тюрек, что по-алтайски значило: «Черная сердцевина». Еще в Катанде мы с ним детально выяснили, насколько эта скала подходящая. Меня, правда, несколько смущало одно обстоятельство: последний раз Петр Яковлевич видел Кара-Тюрек в 1939 году. И сейчас он, конечно, не мог сказать — осталась ли та скала подходящей или нет. Ста-

Окончание. Начало в № 7.

долина сужалась и превращалась в каньон с уступами коричневых скал. На ярко-голубом небе появились четкие линии снежных гор. Я где-то уже видела эти очертания...

очертания... — Что это? — спросила я

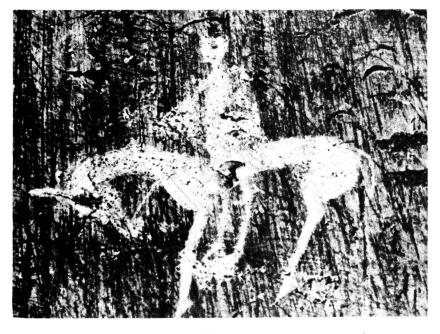
Петра Яковлевича. — Отроги Белухи, Кучерла Баш. Ну, конечно! — обрадовалась я. Мы ведь облетали их на вертолете в августе 1974 года, когда снимали фильм о Рерихе. Тогда над Белухой плыли облака, и их тени затевали игру со снегами, с каменистыми склонами, со струями текущей воды. Камни, как и облака, принимали очертания людей, всадников, призрачных дворцов. Как будто оживали легенды о спрятанных в этих сне-

времени скала, нависая своей верхней частью над сухой, утоптанной землей. Полускала, полупещера. Когда я к ней подошла, то сразу поняла, что это самая что ни есть подходящая скала. В заповедных местах всегда есть подходящие скалы. Только их надо найти. Вызывание призраков я отложила до утра. Моим призракам нужен был дневной свет.

Когда наступило долгожданное утро, Кара-Тюрек отдал своих призраков. Отдал очень быстро, довольствовавшись лишь котел-ком прозрачной речной воды. Вот что значит подходящая скала...

Они стали появляться один за другим. Сначала это был человек, немного неуклюжий, но всетаки человек. Потом появился

олень, изящный и легкий. За ним сквозь камень проступили козлы с мощными рогами, заброшенными на спину. Так я впервые увидела древние петроглифы Кара-Тюрека. Их было немного, и они покрывали боковые и среднюю части скалы на уровне человеческого роста. Вода четко проявила их линии, утонувшие в темном выветренном камне. И эти линии были совершенны. Сколько тысяч лет жили рисунки на этой скале? Некоторые из них по стилю напоминали петроглифы ранних кочевников Алтая, тех, пока еще не очень хорошо известных нам народов, которые создали свою культуру в первом тысячелетии до нашей эры. Другие, видимо, возникли в более ранний период. Может быть, даже в конце неожения. Их считают дардскими изображениями, приписывая основу их старым жителям Дардистана. Присматриваясь к этим типичным рисункам на поверхности скал, вы замечаете их два различных типа. Одни более новые, более сухие по технике... Но рядом с ними инопда на тех же самых скалах вы видите сочную технику, относящую нас к неолиту. На этих древних изображениях вы различаете горных козлов с огромными крутыми рогами, яков, охотников — стрелков из лука, какие-то хороводы и ритуальные обряды. Характер этих рисунков потому заслуживает особого внимания, что те же древние изображения мы видели на скалах около оазиса Санджу в Синьцзяне, в Сибири, в Транс-



лита, нового каменного века. Видел ли Рерих рисунки Кара-Тюрека? Ответить на это безоговорочно «да» — трудно. Но такая возможность не исключена. Он проходил здесь... Петроглифы для Рериха были одним из ярчайших следов, оставленных прошедшими здесь и в других местах народами. Художник их исследовал и анализировал. Они нашли отражение в его творчестве. Картина «Знаки Гесэра» посвящена древним рисункам. Особое внимание Рериха привлекали круторогие козлы. Именно их он относил к периоду неолита. В своей книге о Центрально-Азиатской экспедиции Рерих писал: «Так уже на полпути от Кашмира на скалах начинают попадаться древние изобра-

гималаях, и можно было узнать их же, вспоминая Халристнингары Скандинавии. Не будем делать выводов, но будем изучать и складывать».

Круторогие козлы Индии, Монголий, Алтая. Они похожи друг на друга и по стилю, и по технике изображения. В «Знаках Гесэра» они превратились в некий обобщающий символ. В символ древних народов, чем-то связанных друг с другом, в символ общих путей этих народов. И всетаки «не будем делать выводов», я бы добавила — поспешных.

От Кара-Тюрека вновь протянулись нити в большой и сложный мир Центральной Азии...

Под этой скалой останавливались чабаны и укрывались овечьи отары. Земля носила следы костров, почва была щедро унавожена, и ее мягкий слой вплотную подходил к основанию скалы. Сколько лет рос этот слой, постепенно скрывая то, что было внизу, сказать трудно. Мне пришла мысль покопать у самого основания. И я была вознаграждена. На освобожденном от земли камне стали возникать линии. Линии складывались в фигуры. И тогда появился сильный, гордый архар Он приподнял голову, удерживающую тяжелые рога. А чуть ниже его копыт мелькнуло видение чего-то легкого и грациозного. Через несколько мгновений на камне застыло, напряженно и настороженно, выразительное и совершенное тело молодой маралухи. Рожки, как корона, украшали небольшую голову на длинной, изящно изогнутой шее. Метод вызывания, или, точнее, добывания призраков менялся на глазах. Одной воды уже не хватало. Нужна была лопата. Но ее не было. Поэтому раскопки пришлось приостановить. Возможно, их продолжат когда-нибудь археологи, которые и исследуют богатейший культурный слой Кара-Тюрека...

На обратном пути мы заехали в деревню Кучерла к Николаю Ивановичу Савдину. Савдин, пожилой грузный алтаец, с мудрым взглядом узких глаз, рассказал мне о «камнях с лицами». Не надо было быть очень догадливым, чтобы сразу понять, о чем идет речь. «Камни с лицами» были знаменитыми алтайскими «бабами», уникальными тюркскими памятниками раннего средневековья. Они имели непосредственное отношение к переселениям и движениям народов. Рериха интересовала география этих памятников. Когда-то на Алтае их было много. Они стояли на трактах, в горных долинах, по берегам больших рек, в степях. Теперь становится все труднее найти такой памятник в его естественном состоянии. Время и невежество людей разрушали изваяния. Спасением оставшихся «баб» занимались археологи и музейные работники. Новосибирск, Барнаул, Горно-Алтайск, даже районные центры Алтая имеют коллекции редчайших изваяний. Их там можно смотреть и изучать. Но я мечтала найти «бабу» там, где ее воздвигли древние. Удача с Кара-Тюреком настроила меня оптимистически. Николай Иванович объяснил, что «камни с лицами» стоят у Тургунды, на увале, недалеко от того места, где белая вода Ак-Кема сливается с голу-



Некора, у нас нашлось время поговорить. Оказалось, что Некор тоже кое-что знает о «камнях с лицами» и даже может их показать.

Через два часа мы оказались неподалеку от слияния Ак-Кема с Катунью. Здесь, на ее высоком холмистом берегу, на горном просторе и стояли «камни с лицами». Да. это были именно «камни с лицами», а не «бабы». «Баб» я видела в музее в Горно-Алтайске — это были высеченные в камне фигуры, с намеченными руками и деталями одежды; некоторые из них держали в руках загадочные чаши, на поясах других были мечи. Здесь все это отсутствовало. Только вертикальный камень-менгир с темным, древним лицом. Их было всего два, таких менгира. Они стояли на расстоянии друг от друга, повернув в сторону солнечного восхода бесстрастные лица с близко посаженными глазами. И глаза эти выражали печаль и отрешенность, как будто какая-то неотступная мысль, много веков заключенная в камне, искала выхода и не могла найти. Над зеленым холмом, где стояли эти одухотворенные кем-то менгиры, поднималась синяя гряда гор, а у его подножия вилась голубая река. Вдоль реки шла такая же древняя, как и эти таинственные камни, дорога. И снова что-то очень знакомое почудилось мне в облике этого горного ландшафта... Наверное, я не ошибалась. Картина Рериха «Страж пустыни». Там такие же синие горы и зеленые холмы. Над ними полоса догорающего закатного неба. И то же замкнуто-печальное ли-



цо, высеченное в камне. Только камню придана форма фигуры. Эти фигуры и «камни с лицами» такие, казалось бы, близкие друг другу и в то же время далекие, что разделяет их? Время? Или, может быть, принадлежность к разным народам? Кто первый высек лицо на менгире? То самое лицо, которое позже превратилось вместе с этим менгиром в изваяние тюркского воина. А может быть, кто-то позже подражал этим изваяниям, высекая лица на грубых камнях? Такое ведь тоже могло быть. Есть гипотезы, есть предположения. Но трудно пока еще сказать что-то определенное. «Странные, непонятные народы не только прошли, но и жили в пределах Âлтая и Забайкалья. Общепринятые деления на гуннов, аланов, готов разбиваются на множество необъясненных подразделений... Оленьи камни, керексуры 1, каменные «бабы», стены безымянных городов хотя и описаны и сосчитаны, но пути народов еще не явили».

Это опять Рерих. «Но пути народов еще не явили». Чьи пути проходили по этой дороге над Катунью, через эту зеленую и солнечную горную долину? Мы знаем лишь о немногих из них. Каменные лица менгиров повернуты на восток, туда, где вдоль дороги идут линии древних курганов. Круги курганов аккуратно выложены камнями.

В этой долине с совхозным бригадиром Некором Сайланкином произошло чудесное преврашение. В нем появилось что-то. что странным образом связывало его с этими менгирами и курганами. Он бережно прикасался к каменным лицам, кружил среди курганов, смотрел на древний путь, ведущий к синим горам, и в его узких глазах вспыхивало нечто такое, что трудно выразить словами. Так, наверное, смотрит кочевник на неведомую дорогу, радуясь предстоящему пути и в то же время страшась неизведанности. В фигуре Некора появилась неуловимая легкость, а движения стали быстрыми и точными. Как будто в нем все собралось и приготовилось к чемуто большому и значительному.

- Однако, кто же здесь похоронен? неожиданно спросил он, трогая камень кургана.
- Кочевники, сказала я.
- Кочевников было много. А как их называли?

- Некоторых скифами.
- Скифы... протянул он, словно вслушиваясь в музыку слова. Скифы. Шибко красивое название.

Он неохотно влез в «газик», когда я сказала, что нам пора ехать. Всю обратную дорогу он молчал, думая о чем-то своем...

#### ШАГИ ПЛЕМЕН

...Она стоит на 381-м километре Чуйского тракта. Двухметровая стела, которую венчает высеченная в камне голова. Голова непохожа на то, что я видела на «камнях с лицами» под Тургундой. Ее сделал кто-то другой. Некоторые считают, что тюрки. Но в ней нет ничего от тюркской традиционности, нет черт этого народа. Поэтому она уникальна, таинственна и мало объяснима. Между стелой, стоящей перед отвесной скалой, и шумящей внизу Чуей пролегает древний путь. Может быть, самый древний из всех путей, которые мы знаем.

Голова органично слита с грубым, почти необработанным камнем. Линии камня неожиданны: кажется, что это не камень, а развевающийся плаш. И еще кажется, что камень был человеком. Человеком из иного, далекого времени, человеком, который взял на себя очень тяжелую, но вместе с необходимую миссию. Она заставила его, идущего вместе со своими соплеменниками по этому древнему пути, остановиться, сойти в сторону, чтобы навечно застыть в камне. Ибо только камень был в состоянии донести до будущих поколений облик, характер, стремления и судьбу прошедших по этому пути... Представлял ли он, на что шел? Была ли в его сердце какая-нибудь надежда? Конечно, была. Надежда на то, что они вернутся. Он ждал их, повернув лицо туда, где каждое утро алела полоска зари. И каждое утро предрассветный ветер пытался играть складками его каменного плаща. Сколько прошло веков? Другие шли по древнему пути, вдоль берега шу-мящей реки. У них были иные лица, иная одежда. Они говорили на чужом ему языке. Он остался один в этом незнакомом и быстро меняющемся мире. Один из тех, навсегда ушедших. Века безнадежного ожидания меняют даже камень. И поэтому так скорбно сжаты тонкие губы ждущего, так много печали скопилось в каменных глазницах. В нем что-то не-

 $<sup>^{1}</sup>$  Керексуры — насыпные курганы из камней.

уловимо напоминает каменного сфинкса Египта, который, может быть, тоже ждет...

И когда вы уходите от древней печали этих глаз и начинаете рассматривать обратную сторону стелы, вам открываются рисунки. Грйфон, какое-то странное животное с телом лошади и оленьими рогами. Меч. Так рисовали алтайские кочевники скифской эпохи. Имеют ли эти рисунки отношение к тому, кто застыл в камне? Пока сказать определенно нельзя.

На отвесной скале позади стелы опять рисунки, но другие. Олени с рогами-елочками, косули, бараны, колесницы, люди. Кто-то оставил их здесь. Возможно, те же ранние кочевники, чьи курганы и менгиры идут вдоль тракта. Каждый народ оставлял здесь о себе память. «Столько много народов, — писал Рерих, — принесли свои лучшие созвучия и мечты. Шаги племен уходят и приходят». Шаги племен... Скифы, гунны, тюрки... Одни шли на восток, устремляясь к неприступным снежным горам. Другие двигались на запад, к обширным равнинам Сибири.

Древняя дорога была похожа на гигантскую артерию, в которой толчками пульсировала горячая кровь. Откуда рождалось желание того движения, что гнало век за веком по алтайскому тракту, через горы и перевалы, через сухие степи многие тысячи людей? Да, ими двигала жажда завоевания новых пространств, поиски тучных пастбищ. Богатства более удачливых соседей тоже побуждали их к действию. Но не было ли в этом еще какой-то силы, которая так легко позволяла сниматься с насиженного места и устремляться в неведомое? Неудержимая привлекательность дали, наивная попытка преодолеть черту горизонта...

Давно затихли шаги прошедших племен, века и пространства поглотили их живые следы. Древний путь превратился в широкое асфальтированное шоссе Чуйского тракта. На тракте день и ночь гудят машины. Тракт — основная транспортная артерия Горно-Алтайской автономной области. По ней идут грузы в соседнюю Монголию и из Монголии. Вдоль нее тянутся провода электропередачи и телефонные кабели. В 1926 году тракт выглядел иначе. Но Рерих о нем не писал. Его экспедиция не проходила по этому главному пути движения народов через Алтай. Николай Константинович предпочел параллельный, на мой взгляд, второстепенный путь. Но это только на мой взгляд. Этот взгляд возник потому, что я пока не знаю побудительных мотивов, заставивших Рериха, для которого проблема переселения народов была одной из основных, пойти другим маршрутом --тем, который повторила и я. Может быть, не только переселение народов его интересовало, но и что-то другое, что пока от нас скрыто. Как бы то ни было, проблема загадочного маршрута экспедиции возникла и требует своего решения. Думаю, что оно со временем придет...

Мой главный путь — а таковым был для меня маршрут Центрально-Азиатской экспедиции, — окончился, и я попала на Чуйский тракт. Но в этом опять-таки был повинен Рерих. «Проведите линию, — писал он в своей книге о Центрально-Азиатской экспедиции, — от южнорусских степей и от Северного Кавказа через степные области на Семипалатинск, Алтай, Монголию и оттуда поверните ее к югу, чтобы не ошибиться в главной артерии движения народов».

...И вот мы едем на «газике» по Чуйскому тракту. За баранкой Николай Михайлович Тимофеев. Не очень обычный человек и еще более необычный шофер. В его светлых глазах живет извечное и никогда не утоляемое любопытство к окружающему миру. Николай Михайлович работает шофером в областном управлении культуры.

Лента дороги вьется среди синеющих гор, идет по обрывистым берегам быстрых рек, подходит вплотную к отвесным скалам, взбирается на перевалы и спускается с них, устремляясь к белеющим вдали снежным хребтам. Эти хребты надвигаются на тракт, и кажется, что дорога сейчас упрется в них, остановится и прекратит свой извечный бег. Но снежные вершины постепенно отодвигаются к горизонту и дают простор Курайской степи, которая приветствует дорогу феерией Степь образует самые красок. неожиданные сочетания холмов. невысоких гор и обнаженных скал. Дорога стремится мимо Северо-Чуйского хребта к Кош-Агачу. За Кош-Агачем она делает резкий поворот к югу и через просторные речные долины уходит к Ташанте, а затем исчезает в горах и степях Монго-

Мы едем по тракту целую неделю, ищем следы прошедших

здесь племен и народов. Мы находим их везде — и вдоль самого тракта, и в долине Каракола, и между реками Барбургазы и Юстыд. Стоит только внимательно присмотреться, и сразу замечаешь древние погребения. Насыпанные из камней, большие и малые, просто камеиные круговые выкладки, погребения, отмеченые выкладки, погребения, отмеченые менгирами и без них. Все это различные формы древней культуры мегалита. Культура «больших камней». Она была распространена во многих частях мира и кое-где даже сохранилась и в наши дни.

С курганами соперничают вертикальные камни менгиров. Одиночные и расположенные группами. Целые аллеи менгиров, уходящие туда, где восходит солнце. Реже попадаются стелы. Те же менгиры, но выше. Порой до четырех метров. На них высечены боевые топоры, мечи, а иногда три таинственных круга.

Николай Михайлович заболел всем увиденным сразу и бесповоротно.

— Курган! — торжествующе сообщал он. — Надо остановиться.

Мы останавливались.

- Менгир! Мы снова останавливаемся. Наконец я взмолилась:
- Николай Михайлович, мы сейчас видели точно такой же, а времени у нас немного.

Но Николай Михайлович вперял в меня безжалостный взгляд и оставался глух к мольбам.

— Надо, — говорил он категорически. — A вдруг...

И это непознанное для меня «вдруг» таинственно и необъяснимо двигало Николаем Михайловичем.

Его воображение поразили курганы в Туэкте. Мое тоже. Высокие горы камней, покрытые темной патиной времени и разноцветьем лишайников, они возвышались в тихой солнечной долине на окраине поселка Туэкта. Вокруг них расстилалось поле, и ветер волнами пробегал по не созревшему еще овсу.

Погребения такого типа давно привлекали внимание археологов. Еще в конце XVIII — начале XIX века их копал русский археолог П. К. Фролов. В 1865 году В. В. Радлов раскопал катандинские курганы, в 1911 году А. В. Адрианов исследовал погребения на реке Майэмире. Советские археологи прододжили

эту традицию. В 1927 году М. П. Грязнов провел раскопки в долине реки Урсул. С. И. Руденко занимался алтайскими курганами с 1929 года, и это он в 1954—1955 годах раскопал первые погребения в Туэкте. И теперь почти каждое лето ведут работы археологи Новосибирска и Горно-Алтайска. Год за годом растет коллекция найденных реликвий... Чы же останки скрывают эти погребения?

Их называют скифами, саками. В древности величали «грифами, стерегущими золото». Теперь все чаще осторожно называют ранними кочевниками. Это были кочевники-коневоды. Европеидные по своему типу, они говорили на диалектах североиранской языковой группы. Они занимали огромную территорию евразийской степи от Карпат до Памира, Тянь-Шаня и Алтая. Это был целый кочевой мир со своей культурой, организацией, занятиями. Что же нашли в их погребениях? Веши... Вещи, принадлежавшие мертвым, которые, по мнению живых, нужны были в «ином мире» так же, как и в этом.

Одежда, оружие, украшения, предметы домашнего обихода, конская сбруя. Керамика, ткань, кожа, дерево, бронза, золото, железо... Одна ерта объединяет эти разные вещи — искусство. В искусстве господствовал единый стиль. Знаменитый «звериный» кочевников евразийских степей. Тот самый стиль, который оставил свой след в культуре множества более поздних народов, от Китая до Европы. И именно в алтайских курганах этот стиль в течение ряда веков был представлен в наиболее чистой, классической форме. Многочисленные изделия, найденные в погребениях, были украшены изображениями животных. Олени, горные козлы, горные бараны, лоси, тигры, волки, лошади, орлы, петухи, Фантазия лебеди... древнего художника нередко сочетала в удивительных комбинациях животных и птиц. Поэтому у тигра вырастали крылья, а у орла — звериные уши. Но эти сочетания были столь художественны и гармоничны, что казалось — такие птицезвери существуют и в природе.

Появление «звериного» стиля некоторые ученые объясняют влиянием высоких цивилизаций стран Древнего Востока и их художественных культур. Да, кочевой мир евразийских степей был подвижен и деятелен. Пространства, отделявшие его от других народов, не были особым препят-

ствием. Стремительные лошади легко поглощали его. И кочевникам была знакома Передняя Азия, Иран, Индия и Средиземноморье. Оттуда приходили в степи и горы иные сюжеты и иные звери, иное мастерство. Но и это влияние не может полностью объяснить появления «звериного» стиля. Его истоки надо искать в самом мире кочевников, в том, что было характерным только для этого мира. И этим характерным была для кочевника лошадь. Та лошадь, на которую сажали его, как только он делал первые шаги по земле. Та лошадь, которая становилась для него на всю жизнь другом и уходила вместе с ним во тьму «иного мира». Та лошадь, с которой он сливался, когда стремительно преодолевал степные и горные пространства. Та лошадь, чьей силой, совершенными пропорциями он не уставал любоваться... Лошадь для него была всем, и через нее он постигал мир с момента рождения и до старости. И в этом многообразном и несущемся ему навстречу мире не было ничего прекраснее той же лошади. Лошадь становилась для него эстетическим мерилом. Он, как и его далекий предок, изображал зверей. Он вырезал их в дереве, ковал в золоте, выкраивал в коже, выкалывал на сильных телах воинов. Но это уже были иные звери. У оленей по-лошадиному крупно раздуты ноздри, у птиц удлиненные конские глаза... Он перенес в них, не нарушая гармонии, стремительность и выразительность лошадиного бега. Он увековечил в них рельефность лошадиных мышц, завершенность линий ее тела. И этот метод изображения оставался для него неизменным. «Метод лошади», если можно так сказать. Этот метод, на мой взгляд, и породил особый стиль, «звериный». Существует удивительное единство художественного стиле. изображения в этом Только человек, ощутивший это единство своими мышцами и телом, смог так точно его пере-

Звери украшали и конскую сбрую. Лошадей украшали многие народы. Расписные и резные седла, шитые золотом чепраки, тяжелые накидные уздечки, узорчатые налобники. Но ни одно из этих изысканных украшений так не гармонировало с сильным и совершенным телом лошади, как сбруя, украшенная алтайскими древними мастерами. Мастерамикочевниками. Эта гармония, мне кажется, и обессмертила «звериный» стиль...

# гора солнечного оленя

Мое путешествие уже кончалось. Чуйский тракт был пройден, а где-то в долине реки Елангаш оставались еще не виденные древние рисунки. Но я не знала, где именно, и поэтому мне очёнь нужен был Володя Елин из экспедиции горноалтайских археологов, работавших под Кош-Агачем. Он, как сказали мне, мог показать и погребения, и стелы, и наскальные рисунки.

Николай Михайлович окидывал ястребиным взором несущееся навстречу сине-зеленое пространство. На второй день, в Чуйской степи, он притормозил машину и протянув руку к снежно белеющему вдали хребту, сказал:

— Вот они, археологи. Там их палатки стоят.

...Володя Елин сидел на камне у последнего кургана и что-то старательно рисовал. Когда он встал, я увидела коренастого крепыша с живыми карими глазами. Очень серьезного и не очень разговорчивого. Все остальное свершилось в какие-то десять минут, которые потребовались Володе, чтобы положить в «газик» свой спальный мешок. Николай Михайлович с заправским видомпохитителя насвистывал что-то лихое

К реке Елангаш мы прибыли уже в темноте. Остановились около бревенчатой избушки чабанов. Избушка была пустая. Прямо над нами в звездном небе нависал темный массив гор. Внизу в каменистом ложе шумела река. Дул ледяной ветер. Мы находились на высоте около трех тысяч метров. Я заснула с надеждой на утро. Скала застыла на том берегу реки в пятистах метрах от чабанской избушки...

Утром нам открылась снежная скругленная вершина, врезанная в синеву неба. Она упиралась основанием в узкую каменистую долину. В этой тяжелой массе снегов, в этих голых камнях и скалах, в этой длительной и безнадежной борьбе бурлящей реки с каменным ложем было что-то от застывшей вечности... И только легкая и бесстрашная пляска солнечных лучей говорила о другом, прекрасном и недосягаемом мире, к которому бессознательно стремились эти горы и камни, но, не преодолев своей тяжести, застыли обреченно и тяжко.

Красноватые, отполированные временем глыбы начинались сразу у зеленой травы. Они полого поднимались вверх, заслоняя собой кусок синего неба и упрямо



утверждая себя в центре этой каменистой долины.

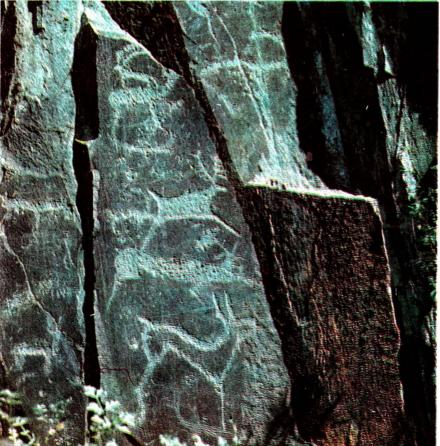
— Нужно немного подняться, — сказал Елин, показывая на гору. Я подумала, что рисунки на вершине, и стала спокойно подниматься. Но вдруг из-под неосторожно поставленной мною ноги

вырвался стремительный всадник и, туго натянув лук, устремился за убегавшим оленем. Олень был чем-то похож на птицу, он летел, забросив на спину ветвистые рога. Я отдернула ногу, но она повисла в воздухе, потому что пространство, предназначенное ей,

было занято пасущимся яком. Очень задумчивым и грустным. Он помахал хвостом, на конце которого была трогательная кисточка. С безнадежностыю человека, не имеющего выхода, я посмотрела вверх на каменистые выступы горы и вдруг ясно осо-







знала, что попалась. Выхода действительно не было. Вся панель огромной горы, сверху донизу, оживала на глазах, двигалась и дышала. Я слышала прерывистое дыхание мчавшейся лошади и протяжный крик всадника с луком. По камням прогрохотала колесница, издалека донесся звон колокольчиков каравана, захлебывались лаем охотничьи собаки, призывно трубили олени, хрипловато и тревожно блеяли горные козлы. Потом звуки стали куда-то уходить, исчезать. Растворяясь в этой каменистой пустыне, они вновь возвращались в камень, замолкали, оставляя после себя лишь звонкое эхо тишины.

Рисунки были очень разные по стилю. Неумелые и угловатые, похожие на детские. Старательные и добросовестные, выполненные со знанием изобразительной техники. Точные и динамичные, где чувствовался полет мысли и руки. Разный уровень мастерства, разные художники. Разные века, разные эпохи. Разные народы. Мне сейчас трудно осмыслить все это богатство. Я полагаю, что там есть рисунки неолита, творения ранних кочевников, там присутствуют образцы скифского «звериного» стиля, оставили по себе память на горе и тюрки. Честь открытия этого уникального места принадлежит новосибирским археологам, работающим руководством академика Алексея Павловича Окладникова. Они и скажут об этих рисунках свое решающее слово. Немало ими уже и сказано.

Среди этих рисунков очень много оленей. Они тоже изображены по-разному. Но мое внимание привлекли олени, несущие на рогах солнце. И те, изображения которых сходны с рисунками на «оленных» камнях в Забайкалье. Они очень специфичны. Это о них Алексей Павлович Окладников сказал: «Летящие в космос пти цеголовые мифические олени на этих изваяниях сопровождаются изображениями литых бронзовых дисков зеркал. Каждое такое сияющее зеркало означает солнце. И не случайно у солнечных оленей Монголии и Забайкалья зеркало-солнце вырастает прямо из

«Гора Солнечного оленя». Вся плоскость огромной горы, сверху донизу, двигалась и дышала; призывно трубили олени, издалека доносился ввон колокольчиков каравана, по камням прогрохотала колесница...

их ветвистых рогов, указывая тем самым на космическую природу священного зверя древних кочевников Евразии». Этим академик Окладников подтвердил предположение Рериха о том, что среди кочевников, проходивших по Монголии, Алтаю, Тибету, существовал культ солнца. Позже, в Новосибирске, археологи мне сказали. что здесь, на реке Елангаш, найдены остатки древнего святилища. Оно было связано с этой горой. Сама же гора является огромным и своеобразным храмом. Видимо, здесь процветали разные культы. Но самым ярким из них был культ солнца.

Когда я смотрела на эту гору-галерею, то думала о том, что люди здесь поклонялись не только солнцу. Они поклонялись искусству и красоте. Они поклонялись полнокровности и стремительному движению жизни. Возможно, у них были и свои боги, чьи имена не донесло до нас время. Но на рисунках я не смогла отличить богов от людей...

Володя Елин не знал, как называется эта удивительная гора. Может быть, у нее есть свое, местное имя. Мне это пока тоже неизвестно. Я называю ее горой Солнечного оленя.

Нужно ли было идти по пути экспедиции, которая прошла по Алтаю 50 лет назад? Нужно ли было искать ее следы? Прошлое... Думаю, не ошибусь, если скажу, что смысл и значимость его заключены в связи с настоящим и будущим. В той неразрывной связи, которая по-иному заставляет нас осмысливать наше настоящее и яснее видеть будущее. Обладало ли этим свойством все то, что удалось сделать Рериху во время его Центрально-Азиатской экспедиции? Судите сами...

В октябре прошлого года в Новосибирске проходила конферен-Сибирским ция, организованная отделением Академии наук СССР. Необычность этой конференции заключалась прежде всего в том, что в ней участвовали археологи и историки, востоковеды и биологи, искусствоведы и физики, философы и архитекторы. Конференция называлась «Рериховские чтения» и была посвящена 50-летию сибирского маршрута Центрально-Азиатской экспедиции. Столь разнообразный состав участников конференции свидетельствовал о множественности научных интересов самого Рериха и о значительности сделанного им в каждой из этих областей знаний. Наиболее интересной частью кон-

ференции были сообщения сибирских археологов и историков: академика А. П. Окладникова, докторов наук В. Е. Ларичева и Н. Н. Покровского, научного сотрудника В. Д. Кубарева. Они доказали, что рериховские исследования в области археологии Сибири и Алтая и его изыскания в вопросе переселения народов имеют актуальное значение для ученых наших дней. Более того. По мере расширения наших знаний об Алтае и Сибири они приобретают все больший смысл и реальность. Алексей Иванович Окладников назвал предположения и гипотезы Рериха «археологическими грезами». На мой взгляд, это очень точно. Грезы всегда могут стать реальностью. И они ею становятся. Ибо это были «грезы» Рериха-ученого. И поэтому Окладников сказал: «Мы идем за ним». Еще лет десять назад рериховская классификация наскальных рисунков на неолитические и более поэдние не воспринималась археологами. Теперь последними Окладникова открытиями классификация - подтверждена. В те далекие годы Николай Константинович Рерих высказывал смелую догадку о том, что во время великого переселения народов готы, сыгравшие свою роль в европейской истории, шли с востока на запад через Алтай и Сибирь и, возможно, Гималаи были их прародиной. Осторожно относясь к самой догадке, Окладников тем не менее считает, что в этом направлении необходимо вести исследование. В последнее время в Средней Азии, на Алтае, в Монголии были найдены наскальные изображения боевых колесниц, датируемые вторым тысячелетием до нашей эры. Это был период широкой экспансии индоевропейских народов в Центральной Азии. И, видимо, предположения Рериха имели основания.

Прошлый полевой сезон снова принес археологам немало удач и находок. Обнаружены галереи древних рисунков, раскопаны могильники алтайских скифов, в реликвиях которых ярко проявил себя знаменитый «звериный» стиль, раскопано святилище бронзового века...

Теперь, когда путешествие окончено, я могу с уверенностью сказать: да, по пути экспедиции Рериха стоило идти. И нужно было идти. Ибо экспедицию организовал и вел человек необычный, и нам, исследователям, еще долго ходить по его следам...

Алтай — Новосибирск — Москва

### небесные чудеса

«Из-за горизонта выскочила Жар-птица (телом назвать не могу, так как все носило эфирный характер), горящая всеми цветами радуги, с прекрасным сиреневым цветом. Кругом было совершенно тихо, ее плавный полет производил сказочное впечатление — это был праздник цвета!»; «Летит огненный ямей, вокруг огненные стрелы, над нами раздвоился — перед длинный, зад короткий — хвост оторвался...»

Это строчки из писем о падении 11 февраля 1976 года балтийского болида. Над севером Европейского континента от Финаяндии до Смоленской области его наблюдали десятки тысяч человек. Балтийский болид, как и большинство болидов, был рыхлым телом, поэтому он распался и сгорел. Но в отличие от многих своих «братьев» он имел малую угловую скорость относительно Земли и, догоняя ее под острым углом, сгорал как бы в замедленном темпе. Кроме светового эффекта, балтийский болид вызвал у некоторых людей и чувство настороженности, страха; он даже вынудил остановиться одного мотоциклиста, настолько было велико беспричинное, исходящее сзади чувство опасности. Мотоциклист думал, что его догоняет машина, но вместо фар на дороге увидел огни в небе...

Оказывается, многие люди воспринимают инфразвуковые волны, которые возникают при падении болида, как «шелест сухих листьев», «тонкий свист», «шуршание». Коекого эти звуки настораживают, пугают. Дальше в работу включается воображение, привычные ассоциации, — и вот видят в болидах дракона, жар-птиц, а в наш век — еще и космические корабли.

#### ГЕЙЗЕРЫ НА ДНЕ ТИХОГО ОКЕАНА

В 1976 году группа океанографов из ФРГ обнаружила между побережьем Эквадора и Галапа-госскими островами несколько источников горячих вод.

Сейчас с помощью глубоководной исследовательской лодки эти источники изучают американские ученые. Уже выяснилось, что вода в них выбрасывается под давлением, доходящим до 300 атмосферпри температуре до 200° Цельсия. При этом выбросы происходят периодически. Все это очень напоминает картину деятельности гейзеров.



# № 8 АВГУСТ 1977 СОДЕРЖАНИЕ

Ангарская спираль	2-я	стр	. обл.
Л. ЧЕШКОВА — Над рекой хор деревень			· 3
НИКОЛАЙ БАРАТОВ — Люди с лагуны			10
ВЛАДИМИР КОВАЛЬ — Ищем «пришельцев»			15
В. ФИЛИМОНОВ — «Дружбы твоей прошу»			19
Г. РЕЗНИЧЕНКО — Один день в Капитолии			22
С. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ — Начало пути			28
Загадки, проекты, открытия			49, 66
В. ОРЛОВ — Рожденные на Барсакельмесе			31
А. А. МИЛН — Бокал вина			36
НИКОЛАЙ ПОЛЯНОВ — Триста лет спустя			. 42
<b>А. БЕЛЯКОВ</b> — Макукины древней Москвы			47
В. ВЕРНИКОВ — Голубые горы марунов			50
Л. ОЛЬГИН — Аду-домба по воскресеньям			55
Л. В. ШАПОШНИКОВА — Алтай: по пути Рериха			58
ХЭММОНД ИННЕС — Белый юг			67
Пестрый мир		1 1	78
Листая старые страницы			79
В. НИКИТИН — Живая глина Чоррера			80
На первой странице обложки: ФРАН у полуострова Котантен в Нормандии.	ΉΠ	Я.	Отлив
Рыбацкие суденышки замерли в ожидании прилива берегу Ла-Манша блив городка Дъелет.	на	nec	чаном
	•		

В номере использованы фотографии из журналов: «Атлас» (Франция), «Нейшнл джиогрэфик» (США), «Ориентейшнс» (Гонконг).

## Главный редактор А. В. НИКОНОВ

Члены редакционной коллегчи: В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕ-ВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), Г. В. МАКСИМОВИЧ (ответственный секретарь), Ю. Б. СА-ВЕНКОВ, О. И. СОКОЛОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ.

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются

Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
Наш адрес: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21. Телефоны для справок: 251-15-00, доб. 2-39; отделы «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-85; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

© «Вокруг света», 1977 г.

Сдано в набор 6/VI 1977 г. Подп. к печ. 14/VII 1977 г. А06483. Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12,9. Тираж 2 500 000 экз. Зак. 999. Цена 70 коп.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

# ЖИВАЯ ГЛИНА ЧОРРЕРА

Эти фигурки могут показаться смешными, как персонажи сатирического театра или гротескные изображения мифических героев. А между тем это портреты древних южноамериканцев и «возраст» их очень солидный: статуэткам чуть меньше... четырех тысячлет.

Крестьяне давно уже находили на своих полях, раскиданных вдоль Косты — тихоокеанского побережья—эти удивительные фигурки. Конечно, «неправильные», конечно, стилизованные, но тем не менее черты их лиц довольно точно соответствуют облику индейцев, и до сих пор обитающих на высокогорных плато, в Сьерре.

Оседло человек живет здесь около пяти тысяч лет, хотя следы индейской культуры встречаются и в слоях десятитысячелетней давности. Сначала это были бродячие собиратели и охотники, использующие для изготовления ножей и наконечников копий обломки обсидиана, а потом - в свое время — пришел черед глины. Нужна была кухонная утварь, нужны были украшения: не следует удивляться — век золота, меди и серебра наступил поэже, а мягкий податливый материал всегда имелся под рукой.

Брал мастер глину, тщательно разминал ее и лепил: горшки, вазы, браслеты, а случалось, и изображения своих соседей или близких родственников. Потом изделия обжигали, глина обретала крепость и оставалась нерушчимой на века. Темы для своих работ художники находили в уличных сценках, на базарах, дома.

Фигурки стояли в жилищах, попадали в храмы, а часть оставалась в мастерских.

Археологи и ныне раскапывают эти мастерские — или, как их еще именуют, «ателье» — индейской культуры Чоррера (по названию местности, где были произведены первые раскопки).

изведены первые раскопки). Лишь на первый взгляд фигурки могут показаться смешными. Ничего юмористического в них нет. Это скульптурные портреты людей, которые родились четыре тысячи лет назад.

В. НИКИТИН